

Алексей Паршин

Жизнь в походах

От Карпат до Колымы и от Таймыра до Саян

УДК82-94.796.5(47=57)
ББК84(2Рос=Рус)-4
П18

ЖАХОХ

Избранные письма

Паршин А.А.

Жизнь в походах

От Карпат до Колымы и от Таймыра до Саян: Пенза, 2014 - 344 с.

Основу сборника составили дневниковые записи и отчеты о походах, сделанные Алексеем Алексеевичем Паршиным во время походов по всему Советскому Союзу – от Карпат до Колымы и от полуострова Таймыр до Саян.

А.А. Паршин

А.А. Паршин

Жизнь в походах

От Карпат до Колымы и от Таймыра до Саян

*Посвящается моим друзьям-туристам,
живущим и ушедшим из жизни.*

Алексей Алексеевич Паршин родился в станице Цимлянская (местные жители называют ее просто Цимлой) Ростовской области в 1939 году. Окончил Новочеркасский строительный техникум. По распределению приехал в Пензу, работал на стройке. Поступил в Пензенский политехнический институт (ППИ) на вечернее отделение. В 1962 году перешел на дневное отделение. Занимался спортом. Здесь в институте и началось его увлечение туризмом. В декабре 1965 года, окончив институт и получив специальность инженер-электромеханик, по направлению уехал в Новосибирск, где продолжил занятия спортивным туризмом и выполнил норматив мастера спорта по лыжному и пешеходному туризму. Он совершил походы по многим отдаленным уголкам Советского Союза. Прошел на лыжах или пешком по Карпатам и Кольскому полуострову, по полуострову Таймыр и Кавказу, Тянь-Шаню и Горной Шории, по Камчатке, Колыме и т. д. В шутку он говорит, что проложил путь от Цимлы до Колымы. Его привычка постоянно вести походный дневник, записывая впечатления и события каждого дня, и позволила, спустя много лет, выпустить этот сборник. Книга может быть полезной для туристов, понравится любителям приключений и путешествий. В ней увлеченность и желание открывать новые горизонты, взаимовыручка и настоящая дружба, которую участники этих походов пронесли через всю жизнь.

ПОЛУОСТРОВ СОКРОВИЩ

Лыжный поход на плато Пutorана, 5-й категории сложности, совершенный туристами Новосибирского завода точного машиностроения в апреле – мае 1976 г.

Маршрут: озеро Собачье – река Хоронен – река Хикикаль – река Икэн – перевал на реку Моя-Ачин – река Моя-Ачин – река Кутарамакан – пер. на озеро Манумакли – вниз по реке Иркингда – озеро Кутарамакан – перевал на реку Токингду – перевал на озеро Собачье – река Нахта – озеро Накомякен – река Тонель – перевал на озеро Кета – река Даллту – река Чопка – перевал на озеро Хантайское – поселок Таймыр (Хантайское Озеро). 525 км, 23 дня.

НОРИЛЬСК – САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ ГОРОД

Полуостровом сокровищ называл Таймыр А.П. Завенягин, чье имя носит Норильский горно-металлургический комбинат. Норильчане с теплотой и гордостью рассказывают о Завенягине, как об «отце города и комбината». В январе 1938 года он был назначен начальником «Норильскстроя» и в короткий срок сплотил вокруг себя инициативных, деятельных работников, создал штаб стройки.

Благодаря его энергии и настойчивости был создан город таким, каким мы знаем его теперь.

Сегодня Норильск – это город-сказка, в котором воплощены опыт, мудрость и героический труд как первых строителей, так и их последователей. Первый секретарь горкома комсомола В. Упиров, несмотря на большую занятость, уделил нам несколько часов для рассказа о делах норильской комсомолии, об истории развития Севера и Норильска. От него мы узнали, что археологи обнаружили в районе Норильска следы металлургического производства, которому 2500 лет (найдены бронзопитейные мастерские предков нынешних ноганасан). Есть основания полагать, что мангазейским рудознатцам и медеплавильщикам были известны норильские руды (город Мангазея находился в четырехстах километрах к западу от Норильских гор). В 1865 году на месте нынешних разработок поставили заячий столб купцы Сотникова. Однако их попытка воспользоваться богатствами недр таймырской тундры не удалась. Советские экспедиции 1920–1934 годов подготовили основу для строительства в районе Норильска горно-металлургического комбината. День, когда было подписано постановление Совнаркома, 23 июня 1935 года, считается днем рождения Норильска.

Смысл существования Норильского промышленного комплекса – обеспечение страны цветными металлами. Этой цели подчинены обогатительные и металлургические производства Норильска, добыча руды Талнаха, нерудных ископаемых Кайдеркана, природного газа Мессояхи, производство электроэнергии Снежногорска, эксплуатация порта Дудинки. В норильских недрах представлено больше половины элементов таблицы Менделеева, 18 из них – в количестве, имеющем промышленное значение. Главное, что дают норильчане Родине, – это медь, никель, кобальт, платиноиды.

В музее Норильска. Секретарь Норильского ГКВЛКСМ В.Упиров (справа) знакомит нас с сокровищами Таймыра. Рассматриваем руду – Е.Ердяков, З.Сидорчукова, Ю.Курдинов, А.Паршин, Ю.Никифоров.

На 1 января 1976 года в Норильске и рабочих поселках-спутниках проживало 206 тысяч человек, ожидается, что к 1980 году их число возрастет до четверти миллиона.

«ОДИН В ТУНДРЕ НЕ ВОИН!» – ГОВОРЯТ НОРИЛЬЧАНЕ

Климат здесь резко-континентальный, субарктический – все-таки 70-я параллель, а это далеко за линией Полярного круга. Отсюда до краевого центра Красноярска – полторы тысячи километров, красноярцы по сравнению с норильчанами – южане. В течение года температура колеблется от минус 56 градусов до плюс 32. 8 месяцев в году средняя температура воздуха ниже нуля. Лето здесь короткое, но бурное. Как только сходит снег, сразу же тундра покрывается пестрым разноцветьем и яркой зеленью, прилетает много диких гусей, лебедей, уток.

Полярная ночь, которая больше всего пугает жителей материка, не страшна, так как здесь все залито электрическим светом. А вот полярный день приносит больше неприятностей – с 19 мая по 24 июля солнце кружит над головой, и все время путаешься: когда спать надо, а когда работать. Детей так и в 12 часов ночи не уложишь. Хорошо, что в это время у малышей каникулы.

Культурная жизнь в Норильске не замирает ни днем, ни полярной ночью. Здесь имеются драмтеатр, народный театр музкомедии, музыкальные школы и училище, оркестры, хоры, ансамбли, дворцы культуры и клубы, кинотеатры, библиотеки, художественная школа, изостудия и т.д. К услугам норильчан и студия телевидения, работающая совместно с «Орбитой». Есть здесь и свой индустриальный институт, где готовят инженеров горного дела, металлургов, механиков, строителей. Для желающих заниматься спортом имеются стадион, хоккейные площадки и городской каток, Дом физкультуры и плавательный бассейн, спортзалы на предприятиях и туристский клуб «Таймыр».

В далеком Заполярье, в самом северном в мире городе, для жизни и работы тружеников созданы хорошие условия. Этот город не просто располагает к себе людей – он заставляет человека расти, раскрыть лучшие качества, учит коллективизму. «Один в тундре не воин!» – говорят норильчане.

У нас на заводе работает уважаемая всеми Роза Андреевна Петренко. Многие заводчане знают ее как председателя Общества Красного Креста и Красного Полумесяца или начальника бюро ОКБ. Она 17 лет прожила в Норильске и уже более 10 лет живет в

Новосибирске. Но спросите у нее о Норильске. С каким увлечением она вспоминает о нем! Заслушаешься. А какие у нее замечательные друзья там остались. Когда мы представились им в Норильске — так они приняли нас как родных: и в лучшую гостиницу устроили, и дефицитнейшими продуктами в поход обеспечили.

Сейчас там работают и бывшие наши сотрудники — Нина Иношина, Аркадий и Наташа Озеровы. Они там второй год, вроде бы еще не акклиматизировались, а уже искренние патриоты Норильска. Все им нравится, особенно люди. Наверное, действительно там не уживаются эгоисты, потянувшиеся за «длинным» рублем. А без них всегда хорошо в коллективе.

Познакомившись с Норильском, мы зашли в клуб туристов «Таймыр» проконсультироваться о маршруте в горах Путорана. Начальник контрольно-спасательного отряда (КСО) А.Ф. Молчанов подозрительно посмотрел на нас и усомнился, что мы можем пройти за 25 дней 525 километров в горах, где нет ни одного населенного пункта, где часто бушует пурга. Да и километры-то — не асфальт, а нетронутая целина, кустарники и крутые лавиноопасные склоны, где придется пробираться не только на лыжах, но и с веревками в альпинистских связках, на «кошках». Причем, на трех участках общей протяженностью 100 километров в это время года еще никто не проходил, то есть мы будем первоходцами.

Он пригласил опытных туристов, не раз побывавших в горах Путорана: Н. Смирнова, А. Губарева, В. Тауберга, и они нам рассказали обо всех «страстях», которые ждут нас в горах. Но чем больше мы их слушали, тем больше крепла уверенность, что маршрут нам по силам, что мы его пройдем.

ЭТО НЕ ПРОГУЛКА ПО ГОРНОЙ ШОРИИ

Договорились с летчиками Ан-2, чтобы они пролетели немного над горами, где пройдет наш путь, когда будут «забрасывать» нас к началу маршрута — на озеро Собачье.

И вот, 6 апреля, в ясную погоду летим над горами. Кругом белизна такая, что режет глаза. Мощные километровые скалы возвышаются над речками, застывшими в каскадах голубых ледопадов. Теснини, теснини... Жутковато. Бортмеханик Алексей Исаков подшучивает: — Что, ребята, посмотрели, да и хватит. Поехали домой, тут же пропадешь ни за грош. Я вот предпочитаю с самолета любоваться этой красотой.

Шутка шуткой, но они и в самом деле посматривают на нас, как на обреченных, и вроде сочувствуют нам. Мы посмеялись и приникли

Прилетели к месту старта на озеро Собачье.

к стеклам – надо получше запомнить маршрут – где опасные склоны, где реки незамерзшие, где имеются непроходимые скалы – цирки.

Этот полет нам очень пригодился – когда шли в пургу или при минимальной видимости, то и дело припоминали, что видели с самолета, какие преграды нас ждут впереди. А начало похода складывалось так удачно, что наш юморист Юра Никифоров даже воскликнул: – Да разве это поход высшей категории! Да это же прогулка по Горной Шории! Но уже через двадцать, когда нам пришлось выбираться из каньона реки Хикингаль-Икэн и мы начали подыскивать подходящие склоны для подъема по ним, он уже ворчал, что это, мол, поход «сложнее сложного»...

Из каньона мы выбрались благополучно, но снег, который с утра только порхал белыми мухами, к середине дня повалил такой, что в ста метрах ничего не было видно. Нам пришлось остановиться, так как начальник спасательного отряда нам записал в путевые документы: «Подъем на перевал к реке Моя-Ачин производить при видимости не менее 10 километров». Значит, перевал этот опасен.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Участники похода – опытные туристы, за плечами у каждого не одна тысяча километров, пройденных зимой в горно-таежных районах страны. Ядром группы стала четверка, побывавшая два года назад в походе высшей категории сложности на Колыме. Это Валя Козлова – перворазрядница по туризму и по лыжам, Зина Сидорчукова – мастер спорта по ориентированию на местности, Коля Мартюхин –

первозданным по туризму и я. Остальных ребят в группу подбирали исходя из данных об их туристском опыте и психологической совместимости, что в походе так же важно, как и в космическом полете. Это лыжник первозданный и турист с нашего завода Женя Ердяков и представители из других спортколлективов города Новосибирска: Юра Никифоров, Виктор Кривич и Юра Курдинов. Виктор Кривич ходил с нами в лыжный поход в Горную Шорию, с восхождением на Верхний Зуб. Юру Никифорова и Юру Курдинова я знал по совместным поездкам в качестве инструкторов на поезде «Горный», где я шесть лет был старшим инструктором.

Так что нам не представляло труда организовать ночевку на снегу, хоть в пургу, хоть в мороз. Быстро утаптываем площадку, ровненько укладываем на снегу тонкие веточки от кустарника и устанавливаем на них свою шатровую палатку. Закрепляем в палатке свою маленькую печурку, растапливаем ее сухими ветками. Дым через трубу уходит наружу. Дежурные у входа роют в снегу яму, разжигают в ней костер, готовят ужин. Пурга разыгрывается не на шутку — треплет палатку, задувает дым в трубу. Быстро вырезаем лопатой снежные кирпичи, устраиваем защитные стенки. Все приходит в норму. Часа через полтора после остановки мы уже сидим в теплой палатке, ужинаем, вспоминаем приключения из прежних походов. Пусть беснуется вынужда — мы теперь в родном доме, и она нас не волнует.

Спим в большом общем спальнике, который связываем завязками в виде конверта из ватных одеял. Этот способ проверен нами уже во многих сложных походах и еще не подводил.

Утром дежурный сообщает, что пурга гуляет с прежней силой, видимость не улучшается. Нет худа без добра — зато отоспимся, мы же все-таки в отпуске. Стряхиваем с палатки снег, укрепляем защитные стены и отдыхаем. К вечеру стало холодать, ветер сменил направление с южного на северо-западное. Выглянуло солнышко, да такой сюрприз нам преподнесло, какого мы еще не видели: над могучими плечами еще подернутых метельной дымкой гор вырывался яркий « прожекторный » луч, нижним концом управлявшийся в русло ручья, над которым стояла наша палатка. Это напоминало экран гигантского локатора с радиальным лучом.

К РЕКЕ МОЯ-АЧИН

К нашей радости ночью мороз достиг 30 градусов, значит, идти будет легко и приятно. Отсюда мы продолжили подъем на перевал к реке Моя-Ачин. По имеющимся у нас сведениям, эту реку сверху

вниз в зимних условиях еще никто не проходил, хотя попыток было много, но по разным причинам группы уходили в сторону от нее. Мы, например, в 1968 году отвернули от нее из-за того, что двое участников ослепли от яркого снега, и мы потеряли

двоих суток, пока у них не восстановилось зрение – пришлось сокращать путь. Другие обходили эту реку из-за непогоды, третьи ошибочно уходили в другие долины рек.

Подымаемся вверх по левому притоку ручья, на котором мы провели две ночи. Долина его, широкая и глубокая, разрезает плато с востока на запад. Мы идем, придерживаясь левого, северного, борта долины. Это спасает нас от холодного северного ветра. К 12 часам дня выбрались на плато, высота которого над уровнем моря около 1200 метров. Перед нами открылись невиданные картины: вдали, у самого горизонта возвышался целый ряд вершин, похожих на ханские шатры; ближе к нам, сквозь тонкую поземку просматривались мягкие впадины – начала ущелий, притоков, сбегающих в противоположные стороны в Хикикаль-Икэн, Кутарамакан, Моя-Ачин; вперед, на восток, широкой лентой тянулось слегка всхолмленное плато, обильно присыпанное двухсугодичным снегопадом. Снег еще не успел схватиться морозом, а ветер уже обработал его кинжалальными застругами. Небо светилось бездонной бирюзой, а солнце запивало все это нежными золотистыми оттенками и раскалывалось в снежинках на миллиарды искр.

Здесь нам пришлось превратиться в термопары, так как с севера тянуло ледяным ветром, а с юга обжигало солнцем. Кругом сплошная белизна – ни деревца, ни кустика. Валя Козлова запела: «Здесь птицы не поют, деревья не растут...» Именно поэтому нам пришлось прихватить с собой снизу по нескольку чурок для печки, так как предполагалась ночевка в беспесной местности. Так и случилось: пока мы прокладывали лыжню, изучая хитросплетения долин, наступил вечер. Подобрали тихое местечко под защитой скалы, на лыжах

«Здесь птицы не поют, деревья не растут...»

Перевалили на р. Иркингда. Позади озеро Ману-Макли.

Схема маршрута (ночевки обозначены треугольником).

Преодолеваем трудный участок при переходе с реки Кутарамакан на Иркингду.

таплы инея. Ребята мирно посапывали, досматривая сны на бытовые темы, а меня, наверное, беспокойство за них подняло раньше всех. Все мы друг за друга здесь в ответе, но с руководителя спрос, как всегда, особый. Растилаю печурку. В палатке теплеет быстро, особенно, когда безветренная погода. И снова подъем, завтрак, укладка рюкзаков, подгонка креплений, торение лыжни, взаимные подшучивания – идем на Моя-Ачин. Мимоходом подымаемся на вершину 1295 м, потому что вершины здесь, над плато, это обычное возвышение, в лучшем случае – небольшой холмик. Главная трудность – взобраться на плато.

МОРОЗНАЯ КРАСОТА И ОПАСНОСТИ ПУТОРАНА

Примерно час катимся вниз по руслу реки Моя-Ачин. Снег там оказался рыхлым и глубоким. Решили идти по террасе, а не по руслу. Деревьев по-прежнему нет. Воздух так прозрачен, что глазомер подводит примерно в 2,5 раза, все кажется гораздо ближе, чем есть на самом деле. От сплошной белизны устают глаза, хотя мы даже не снимаем солнцезащитные очки. Опасность здесь таится на крутых склонах, когда спускаешься вниз – можешь свалиться с карниза,

растягиваем палатку, мягкие продукты, бахилы, штормовки укладываем на снег, укрываем все полизиленовой пленкой, сверху этого стелим большой спальный мешок. На печурке подогрели чай, сбереженный с утра во фляжках, здесь же, в палатке, набираем снегу и на печурке превращаем его в воду. А мороз все крепчал и к середине ночи достиг 40 градусов. Укладываясь спать, слышу черный юмор: «И найдут нас здесь лет через двадцать молодых, жизнерадостных и... свежемороженых». Никифоров в своём репертуаре, любит пускать шуточки по любому случаю. Это нас только веселит. Экономя дрова, мы решили прогреть вечером и утром, а ночью не дежурить.

Утром я проснулся раньше всех, в 5 часов. Уже было светло. На потолке светились от солнца огромные кристаллы инея. Ребята мирно посапывали, досматривая сны на бытовые

так как очень трудно заметить резкий перепад высот. К шести часам вечера подошли к зоне леса. Красивым был и спуск к каньону: катились вниз со стороны заходящего солнца, и на блестящем розовом снегу мчащиеся лыжники выглядели очень живописно, особенно, когда при торможении снег разлетался веером, как брызги от катера.

Следующий день нас порадовал каньоном Моя-Ачина. Здесь река течет в красивых скалах, то и дело меняющих свои очертания, напоминающие то дворцы, то башни, то каких-то зверей, то человеческие фигуры кирпичного цвета. Особенно впечатляют застывшие водопады, которые мы называем ледопадами. По одному такому ледопадику, высотой с 10-этажный дом пришлось спускаться на веревках. Обойти его было нельзя – с обеих сторон взметнулись высоченные скалы. Пригодился опыт, приобретенный нами в альплагерях, в горных походах и на туристских слетах.

Забили в скалы пару крючьев, навесили на них карабины, пропустили через них веревку. Один стоит на страховке, спускает всех по очереди вниз. Так же спустили лыжи и рюкзаки. Последний, замыкающий турист, спускается, сложив веревку вдвое и пропустив ее через крюк, который навсегда остаётся в скале. Очень приятные ощущения испытываешь, проходя сверху вниз с такой высоты под остроумные реплики уже спустившихся товарищей.

Через много-много лет я спросил у Юры Никифорова: «Что тебе запомнилось больше всего из похода по Таймыру?» Он, чуть задумавшись, ответил: «Спуск на верёвке по ледопаду на Моя-Ачине! Страшновато было, но виду я не показал, глядя как вы легко и бесстрашно это проделывали, как пешком по тротуару».

Дальше река еще несколько раз обрывается вниз такими уступами. Но есть возможность обойти их над скалами, и мы обходим, потому что на работу с веревкой тратится много времени. Весь день ушел на преодоление этой строптивой красавицы-речки. Осложняли ее прохождение и встречный ветер, гудящий, как в трубе, в этой теснине, и голый лед, на котором лыжи расползаются, как на стекле.

Из наиболее трудных и интересных участков пути запомнились перевал на реку Иркингду, пурга под перевалом на Токингду, перевалы первопрохождения с озера Кутарамакан на реку Токингду и с нее на озеро Собачье – к месту, где мы начинали маршрут. Причем, весь день набираешь высоту почти от нуля до 1300 метров, потом за пару часов спускаешься на противоположную сторону плато и на следующий день повторяешь такую же процедуру с другим

перевалом. Здесь пришлось идти и по глубокому снегу, и по крепкому, как лед, насту на крутых склонах, тщательно выбирая путь, чтобы не попасть на лавиноопасные участки, и очень внимательно ориентироваться, чтобы с вершины не уйти в сторону от нужного пути, не забраться в скальные теснины.

380 километров прошли мы, не встретив ни одного человека, борясь с кознями севера и наслаждаясь его красотой, как вдруг на озере Накомякен увидели машущий крыльями оранжевый самолет. Что за диво? Мираж? Нет. Самолет. Только крыльями он не махал, это нам показалось. Из-за конвекции воздуха, создаваемой ярким солнцем и морозным воздухом и колебаний наших тел при движении,казалось, что самолет машет крыльями. Здесь геологи создают базу для летних работ. Таймыр хранит много нераскрытых сокровищ. Самолет при посадке влетел в промоину под снегом, немножко повредился. Ждут техников для ремонта. После наших сухарей и концентратов уха из сига и горячие душистые оладьи вознесли нас на седьмое небо. Как мы нахваливали их! Польщенный повар потратил на нас, наверное, трехдневный запас муки.

ДАЛЬШЕ ОЛЕШКА НЕ ПРОЙДЕТ, СДОХНЕТ

В этот же день в избушке рыбаков, которые вдвоем живут в 8 км от геологов, мы блаженствовали в палаточной бане.

Потом два дня шли в пургу, почти вслепую, доверяясь компасу, карте, да туристическому чутью. Вышли точно на оленеводов. Ребята, которые не видели северных оленей, долго не хотели верить, что это олени. Считали их какими-то северными овцами, до того они маленькие. А Женя Ердяков не удержался и взял на руки пушистого щенка сибирской лайки, уж больно они миленькие эти пушистые ласковые колобки.

Бригадир Илья Эспок рассказал, что они перегоняют стадо оленей в 700 голов на реку Амнудакту, что еще идти туда около сотни километров. Снегу в этом году очень много, часто бывает пурга, «олешки» совсем исхудали, и надо успеть дойти, пока важенки не начали телиться. Поскольку была пурга, и крайне трудно было ориентироваться, пастухи подбросили наши рюкзаки на нартах поближе к горам. Илья сказал:

— Дальше олешка не пройдет, сдохнет. А вы ребята здоровые, пройдете. На поселок Таймыр вон в ту сторону идти надо.

Мы сверили с картой и компасом указанное направление и двинулись дальше по горам, по долам, по таймырским лесам. Еще два дня шли в снежной мгле, пока, наконец, не вышли на озеро

Хантайское. Все вздохнули с глубочайшим облегчением. Во-первых, вышли довольно точно, во-вторых, вон на том берегу расположился где-то поселок — конечная цель нашего перехода, осталось всего 25 километров, а позади — пятьсот.

РАССТАВАНИЕ С ПУТОРАНОМ

И сразу же вместе с облегчением в душу забралась печаль: все, поход закончен. Походная жизнь, полная трудностей и необыкновенных радостных переживаний, восторгов от северных красот, — позади.

В последний день горы Пutorана решили расстаться с нами по-хорошему: светило яркое солнце, ветра не было, морозик сковал на озере снег, и мы катились по нему на лыжах, как на прогулке в выходной день. В три часа дня уже были в поселке. Здесь мы узнали, что он уже называется не Таймыр, а поселок Хантайское Озеро. Из всех участников похода здесь бывал только я, и то восемь лет назад. Приятно было видеть перемены в лучшую сторону: построены новый клуб, контора совхоза, новые дома. Те ребятишки, с которыми мы проводили соревнования по стрельбе, выросли и превратились в стройных юношей и девушек. Дети оленеводов, что они раньше видели, кроме экзотики севера? Теперь же смотришь на них и забываешь, где находишься: все в модных костюмах и шикарных светозащитных очках. У конторы стоят мощные трактора и аэросани, здесь же олени упряжки. Рядом с поселком аэродром, на который частенько садятся самолеты, обслуживающие оленеводов и рыбаков. Снабжение такое, что горожане позавидуют.

Поход закончился успешно. Маршрут протяженностью 525 километров пройден за 23 дня, без единой травмы. Впечатлений масса. Отличный район для подготовки туристов высокой спортивной квалификации. Не хочется прощаться с Таймыром, полуостровом сокровищ. Надеемся, что мы еще туда вернемся.